

их попытки получить реальную помощь в России и были практическими причинами, побудившими республиканское правительство поручить написание подобной работы Д. Мильтону.¹⁷

М. М. САФОНОВ, Д. П. ФИЛИННОВА

ЖУРНАЛЫ НЕПРЕМЕННОГО СОВЕТА

Первое десятилетие XIX в. в истории России ознаменовалось усиленной реформаторской деятельностью внутри страны и активной внешней политикой на европейском континенте. Все эти годы так называемый Непременный совет являлся высшим законосоставительным органом России. И хотя подлинное значение Совета в различные периоды его сравнительно недолгого существования было далеко не одинаковым, все это время он оставался тем учреждением, в котором обсуждались наиболее важные правительственные мероприятия. В силу этого исследователи различных аспектов внешней и внутренней политики России того периода часто обращаются к материалам Непременного совета. Но ни в дореволюционной, ни в советской историографии нет ни одного специального исследования, в котором эти материалы были бы подвергнуты тщательному источниковедческому анализу.

Между тем некоторые существенные моменты деятельности Совета представлялись в несколько искаженном виде либо вовсе

¹⁷ Создание произведения в связи с текущим политическим моментом, в связи с потребностью внешней или внутренней политики страны было весьма характерно для Мильтона. Его талант публициста был неоднократно использован республиканским правительством и Кромвелем в борьбе с политическими противниками. Отметим лишь два наиболее характерных случая, которые относятся к интересующему нас периоду, т. е. к концу 40-х — началу 50-х гг. XVII в. Так, после вавни Карла I Мильтону были поручены ответить на контрреволюционный памфлет «*Righteous Basilike*» («Царственный лик»), в котором восхвалялся король. Памфлет был составлен от имени Карла I, которому приписывалось авторство и самого произведения. В ответе «*Righteous-basiles*» («Иконоборец»), опубликованном в 1649 г., Мильтон разоблачил политический и литературный подлог («Царственный лик» был составлен роялистом Годоном). Он выступил с суровой отповедью противникам республики, защищая борьбу народа против короля-тирана.

В конце 1649 г. появился антиреспубликанский памфлет «*Defensio Regia pro Carolo I*» («Защита короля Карла I»), вышедший из-под пера профессора Лейденского университета Салмалли. Это произведение было составлено по прямому поручению будущего Карла II. В ответ на этот памфлет Мильтон в 1651 г. опубликовал свой знаменитый трактат «*Joannis Milton Angli pro populo Anglicano defensio*» («Защита английского народа английским Джоном Мильтоном»); он решительно выступает против легитимизма, развивает свои тираноборческие взгляды, утверждает, что как монарх, так и простой гражданин равны перед законом. «Защита» является превосходным образцом политической публицистики Мильтона (Английская буржуазная революция XVII в., т. II, с. 190—191).

оставались вне поля зрения исследователей. Поэтому авторы настоящей статьи стремились в какой-то степени восполнить этот пробел и тем самым облегчить работу исследователей с материалами Совета.

Непрерывный совет был учрежден 30 марта 1801 г.¹ Собственно Непрерывным его называли исследователи, в действительности он носил имя Государственного совета, но чаще всего именовался просто Советом.² В его первоначальный состав вошли двенадцать лиц, пользовавшихся наибольшим влиянием в правительственных кругах. Трое из них — П. А. Пален и братья П. А. и В. А. Зубовы — возвели Александра I на престол во время только что совершенного дворцового переворота, другие — А. И. Васильев, Г. П. Гагарин, И. В. Ямб, Г. Г. Кушелев, А. Б. Куракин, А. А. Беклепов, Д. П. Троицкий — стояли во главе различных отраслей государственной администрации, наконец, трое — П. И. Салтыков и П. В. Монахин — слыли своими людьми в императорской фамилии. В дальнейшем состав Совета претерпел изменения. После учреждения министерств 8 сентября 1802 г. членами Совета стали министры.³ Всего же за время существования Совета его членами были 32 сановника.⁴

5 апреля 1801 г. Совету был дан «Наказ», который определил его компетенцию, структуру и порядок делопроизводства. Совет учреждался при императоре «для рассуждения и уважения дел государственных». Пределы его власти ограничивались законосовещательными функциями. В предмет рассуждений Совета должно было входить все, что «принадлежит до государственных постановлений временных или коренных и непреложных». Членам Совета предстояло собрать сведения о состоянии всех департаментов и «привести в известность коренные постановления известной части государственного управления», т. е. выработать проекты необходимых преобразований.

Совет мог приступить к рассмотрению дела либо по высочайшему повелению, либо по предложению одного из членов. Дела на Совете должны были поступать на утверждение монарха, если они собирали большинство голосов; не получившие одобрения большинства оставались без действия. Когда дело получало большинство голосов, тогда сочинялся протокол и «с прописанием различных мнений» подносился монарху. Высочайшие указы, издаваемые в следствие этих протоколов, должны были представляться в Совет и вписываться в одну из книг «временных или коренных государственных постановлений». Никакое постановление Совета

¹ ПСЗ I, № 19807.

² См. подробнее: С в ф о н о в М. М. Из истории образования Непрерывного совета. — В кн.: Социально-политическая история СССР, ч. I. М.—Л., 1974, с. 150—152.

³ ПСЗ I, № 20408.

⁴ Подробнее см.: Ф и л и ц о в а Э. П. Непрерывный совет. 1801—1809. Дипломная работа. ЛГУ, 1977, с. 43—55, 84—85.

не могло быть вписано в книгу без утверждения его монархом, но и всякое распоряжение монарха, хотя бы оно и мимо Совета было сделано, должно быть внесено в соответствующую книгу.

Для ведения делопроизводства Совета учреждалась канцелярия. Она состояла из четырех отделений: 1) иностранных и коммерческих дел; 2) военных дел, сухопутных и морских; 3) гражданских и духовных дел; 4) государственного хозяйства. Во главе каждого отделения стоял экседитор, при котором находилось несколько помощников и писемоводителей. Все отделения подчинялись управителю канцелярии, а канцелярия в целом — одному из членов Совета. Начальник канцелярии подносил подготовленные в канцелярии журналы заседаний Совета на утверждение царю. Совет должен был заседать два раза в неделю — по понедельникам и четвергам.⁵ Такими основными правилами, которые Совет получил при своем основании 8 сентября 1802 г., когда был издан манифест об учреждении Комитета министров и министерств, эти правила подверглись некоторому изменению. Обыкновенные дела должны были теперь обсуждаться в Комитете министров, на Совет же возлагалось лишь рассмотрение вопросов, «особенную важность в себе содержащих». При этом Совет мог приступать к рассмотрению дел, если на его заседании присутствовало по меньшей мере пять министров, в том числе и министр, в ведении которого находилось обсуждаемое дело.⁶ Но уже 25 августа 1803 г. именной указ императора снял последнее ограничение. Отныне только в том случае, если отсутствовал тот министр, к компетенции которого относилось дело, Совет не мог начать его обсуждение.⁷

Этими тремя документами Совет и руководствовался в своей деятельности вплоть до 1 января 1810 г., когда манифест Александра I возвестил о новом образовании Государственного совета.⁸

Материалы, отложившиеся в результате деятельности Совета, составляют отдельный фонд.⁹ Он насчитывает 494 единицы хранения. Состав этого фонда, его сравнительно небольшой объем объясняются характером деятельности Совета как законосовещательного органа, назировавшего документы после обсуждения тем учреждениям или лицам, от которых они поступали.

Обсуждение этих материалов в Совете оформлялось в виде журналов, которые подносились на утверждение монарха. Высочайшие указы, издаваемые вследствие этих журналов, представлялись в Совет, но в соответствующую книгу «коренных» или «временных» государственных постановлений, как это предусматривалось в «Наказе», по всей видимости, не записывались. Во всяком

⁵ «Наказ Совету». — В кн.: Архив Государственного совета, т. III. СПб., 1878 (далее — АГС), ч. I, столб. XIX—XXIII.

⁶ ИСЗ I, № 20406.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1161, оп. I, № 1, л. 32.

⁸ ИСЗ I, № 24064.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 1146—1147.

случае среди материалов Совета нет никаких следов составления этих книг.

Помимо журналов заседаний, в канцелярии Совета по обсуждаемым вопросам заводились дела.

В большинстве случаев дела содержат три вида документов:

1) препроводительное письмо должностного лица, как правило министра, правителю канцелярии П. А. Вейдемейеру о направлении по высочайшему повелению в Совет на рассмотрение записок, всеподданнейших прошений, докладов Сената и пр.;

2) отписки ответных писем правителю канцелярии с сообщениями о возвращении документов по рассмотренному вопросу, а также о препровождении выписок из журналов с последовавшими на заключения Совета высочайшими резолюциями;

3) копии журналов Совета или выписки из них по определенному вопросу.

В ряде случаев в этих делах содержатся копиянные документы. К ним относятся копии высочайших указов, записок, надержек из докладов, мнений членов Совета, писем и пр.¹⁰ В некоторых случаях в делах Совета отложились подлинники документов по обсуждавшимся в Совете вопросам. Чаще всего это письма и записки членов Совета.¹¹

Таким образом, эти дела дают дополнительные сведения о ходе рассмотрения вопросов, обсуждение которых отражено в журналах заседания Совета: о времени поступления инициативного документа в Совет, результатах окончательного решения вопроса императором, а также о местонахождении документов по обсуждавшимся вопросам. В ряде случаев содержащиеся в делах материалы, обычно в копиях, более широко раскрывают суть вопросов, чем это изложено в журналах заседаний. Но число таких дел очень незначительно. Поэтому важнейшим источником для изучения деятельности Совета являются журналы заседаний (члены Совета часто называли их протоколами).

В журналах заседаний наиболее полно отражено обсуждение вопросов, поступающих на рассмотрение этого учреждения. Журналы заседаний Совета сохранились за весь период его деятельности. Они сброшюрованы погодно в 9 книгах на основе хронологического принципа.¹² Каждая книга имеет вначале хронологический перечень («реестр») обсуждавшихся в Совете вопросов, в конце — общий предметный, именной и географический указатель. Если вопрос рассматривался на нескольких заседаниях Совета, то в хронологическом перечне давались сноски на журналы соответствующего числа и года. Первый журнал заседания Совета датирован 26 марта 1801 г., последний — 27 декабря 1809 г.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1147, оп. 1, № 195, 202, 223, 292, 328, 347, 428 и др.

¹¹ Там же, № 207, 263, 268—269, 289, 305, 343 и др.

¹² ЦГИА СССР, ф. 1146, оп. 1, № 22—30. — Кроме того, сохранились копии с журналов заседаний Совета за 1801—1803, 1805—1808 гг. (там же, ф. 1147, № 302, 367—368, 513).

Журнал заседания начинался с обозначения даты заседания и сообщении о подписании членами Совета журнала предыдущего собрания (до конца 1801 г. дата подписания журнала часто указывалась после подписей членов Совета). Затем Совет приступал к обсуждению внесенных на его рассмотрение вопросов: в журнале указывался инициативный документ и его автор, излагалась суть вопроса. В качестве инициативных документов на рассмотрение Совета шло: доклады Совета, генерал-прокурора, записки и доклады управляющих отдельными ведомствами (с 1802 г. — министров), рапорты и донесения губернаторов, всеподданнейшие прошения частных лиц и пр.

По окончании «рассуждений» следовало заключение Совета по данному вопросу. Содержание особых мнений членов Совета фиксировалось в журнале, а сами мнения, если они подавались в письменной форме, как правило, подписывались к журналу. Иногда члены Совета высказывали свои особые мнения по рассматриваемым вопросам пометой у подписи в конце журнала (например, у подписи Н. А. Зубова: «По всем статьям согласен, кроме приговора об осуждении Мельникова. . . , о чем прилагаю особенное мое мнение»;¹³ у подписи А. В. Куракина: «С подтверждением всего им в изложенном при сем мнении его сказанного Александр Куракин»¹⁴ и пр.). Обычно на заседаниях Совета одновременно рассматривалось несколько различных по тематике вопросов, иногда с указанием, в каком отделении канцелярии подготовлено дело («по иностранной части» или «по части политической», «по части хозяйственной» или «государственного хозяйства», «по гражданской части», «по коммерческой части»). Чаще всего составлялся один журнал всего заседания, но в ряде случаев по каждому вопросу сочинялся отдельный журнал. Строгого порядка рассмотрения вопросов на заседаниях не существовало, но обычно в первую очередь обсуждались вопросы внешней политики, если обсуждение этих вопросов требовало заключений членов Совета. Так было в начальный период деятельности Совета. Когда же посольские донесения стали вноситься в Совет лишь для сведения, что характерно для Совета уже с начала 1802 г., то ставилась помета об этом, чаще в конце журнала. Пометы в журналах заседаний Совета о «чтении министерских донесений» означают прочтение донесений послов (посланник — полномочный министр). Об этом говорит следующая формулировка: «По части иностранной слушаны были министерские донесения с почтою и эстафетою полученные».¹⁵

В начале заседания рассматривался также вопрос о введении новых членов в Совет: фиксировалось чтение высочайшего указа, иногда с указанием даты его подписания и принятия присяги вновь набранным¹⁶ («В собрание Государственного совета был

¹³ Там же, № 23, л. 37.

¹⁴ Там же, л. 165.

¹⁵ Там же, № 22, л. 48, 60, 63 об.

¹⁶ Там же, л. 32, 48 и др.

внесен указ о присутствовании в оном д. т. с. гр. Румянцову, который, был введен и подвизав установленную присягу, принял свое место»).

Особо оговаривалось в журналах заседаний Совета присутствие императора. Из журналов видно, что в «обыкновенных» собраниях Совета Александр I присутствовал дважды: 16 мая 1801 г. при обсуждении вопроса о запрещении продажи крестьян без земли¹⁷ и 27 мая того же года при обсуждении устройства Новороссийской губернии и Сибири и восстановления в «воликорооссийских губерниях мест, положенных по учреждениям».¹⁸ Кроме того, Александр I присутствовал на трех экстраординарных собраниях Совета 28 декабря 1805 г., 5 и 7 января 1806 г. — при обсуждении вопросов внешней политики.¹⁹

Журнал подписывался присутствовавшими на заседании членами Совета, как уже было сказано, на следующем заседании. Последним ставил свою подпись правитель канцелярии П. А. Вейдемейер, скреплявший журнал. Он же, как правило, отмечал отсутствие кого-либо из членов Совета, иногда с указанием причины («при рассуждениях же Совета и при подписании не присутствовали члены Совета граф Салтыков и князь Куракин за болезнью, и граф фон дер Пален за отлучкою. Иван Вейдемейер»)²⁰ Подписи членов Совета и пометы об отсутствии дают возможность проследить изменение состава Совета за весь период его деятельности.

На полях журналов начальником канцелярии ставились пометы об апробации и издании указов по рассмотренным вопросам, иногда с указанием даты («Дан указ Сенату», «Сообщено государственному казначейю к исполнению», «апробовано», «высочайше утверждено», «свой доклад с означенною здесь поправкою высочайше апробовано и пр.»)²¹ В книгах журналов заседаний Совета, кроме того, имеются приложения. Так, в начале книги журналов за 1801 г. подшиты два списка лиц, назначенных к присутствию в Совете при его учреждении.²² В книге журналов за 1802 г. подшиты письма В. П. Кочубея Д. П. Троицкому с сообщениями об апробации журналов императором (Александр I в мае—июне 1802 г. находился в северо-западных губерниях, и журналы заседаний Совета на утверждение отсылались Троицким через

¹⁷ Там же, л. 60.

¹⁸ Там же, л. 63.

¹⁹ ЦГА СССР, ф. 1147, оп. 1, № 342.

²⁰ Хранившиеся в фонде Совета два письма П. П. Румянцева к Д. П. Троицкому (от 3 февраля 1802 г. — с просьбой о прекращении к нему журналов Совета для ознакомления и связи с отсутствием его на заседании по болезни; от 7 февраля — с сообщением о возвращении присланных ему бумаг) свидетельствуют о том, что и во время отсутствия в Совете его члены продолжали быть в курсе обсуждаемых на заседаниях вопросов (ЦГА СССР, ф. 1147, оп. 1, № 277, л. 3—4).

²¹ ЦГА СССР, ф. 1146, оп. 1, № 23, л. 9 об., 11 об., 13, 16, 18 об., 38 об., 52, 102 и пр.

²² Там же, № 22, л. 3, 4.

Кочубея²³). В последующее время документы подобного рода к журналам не подшивались, а откладывались в делах Совета. В конце книги журналов заседаний Совета за 1809 г. подшита форма присяги с подписями всех 32 членов Совета в той последовательности, в которой они назначались указами монарха.²⁴

В 1878 г. журналы заседаний Совета вместе с наиболее важными документами, отложившимися в его фонде, были опубликованы. Историк этой публикации такова. 7 марта 1863 г. Александр II поручил чиновникам Собственной е. и. в. канцелярии П. В. Калачову и П. А. Чистовичу приступить к изданию систематического описания архива Государственного совета. В подготовке этого издания принимали участие государственные секретари В. П. Бутков, С. П. Урусов, Д. М. Сольский, Е. А. Перетц. Руководили изданием председатели Государственного совета Д. П. Блудов, полякские князья Константин и Михаил Николаевичи. С декабря 1886 г. публикацию составляли и редактировали Г. Ф. Штендман, член Археографической комиссии, и П. М. фон Кауфман, помощник статс-секретаря Государственного совета. Общее руководство осуществлял статс-секретарь А. А. Половцов.

В свет было выпущено десять книг «Архива Государственного совета», включивших в себя материалы за 1768—1825 гг. Журналы Непременного совета вошли в III том, состоявший из двух книг.

«Архив Государственного совета, в качестве подробной справочной книги прошлого, — говорится в предисловии к публикации, — представляет важное пособие для современных законодательных работ и, в то же время, служит ценным материалом для ученых исследований по истории отечественного законодательства».²⁵ Таким образом, по мысли издателей, их публикация должна была служить в первую очередь бюрократическим целям, а во вторую — научным, такой подход определял и принципы этой публикации. Журналы были расчленены по тематическому принципу и опубликованы в систематическом порядке в соответствии с рубриками действующего свода законов. Конечно, такой принцип публикации значительно облегчал работу чиновника. Достаточно было заглянуть в соответствующую рубрику, как все материалы по интересующему вопросу представляли в хронологической последовательности. Но для исследователя, пользующегося этой публикацией, ее принципы создают больше трудностей, нежели облегчают его труд. Чтобы выяснить, скажем, такой простой вопрос, как повестка дня того или иного заседания, исследователю необходимо просмотреть от корки до корки обе книги всего тома журналов.

Во введении к публикации составители сообщили о том, что шрифт размещения журналов по системе свода законов неизбежно

²³ Там же, № 23, л. 238, 252—253 об., 270, 270 об., 275, 275 об., 302, 302 об.

²⁴ Там же, № 30, л. 463.

²⁵ Архив Государственного совета, т. II. СПб., 1868, с. 1—2.

встречались затруднения, вследствие того, что нередко один и тот же журнал заключает в себе предметы, относящиеся к разным отделам Свода; такие журналы относимы были и настоящему изданию к тем отделам Свода, к которым принадлежат по своим главным предметам.²⁶ Однако, какие именно предметы составители публикации считали главными, определить довольно сложно, а зачастую и просто невозможно. Так, например, наряду с законом о свободных хлебопашцах, одним из наиболее важных актов аграрно-крестьянского законодательства явился указ о распространении права покупки неосвоенных земель на купцов, мещан и казенных крестьян.²⁷ Проект этого указа был подготовлен в Негадном комитете. На протоколов комитета известно, что в ближайшем окружении Александра не один раз обсуждался вопрос о том, следует ли вносить проект этого указа на рассмотрение Совета.²⁸ В каком же отделе публикации журналов Совета надо искать сведения об этом? «Законы гражданские»? «О праве собственности»? «О приобретении и укреплении права на имущество»? «Торговля внутренняя и внешняя»? Ни в одном из них нет сведений об обсуждении этого указа. Нет их и в статьях «Архива Государственного совета», посвященных крестьянам, издатели поместили его в отдел «Городское состояние». Оттого ли, что никто не заглянул в этот отдел или по другим причинам, но исследователям крестьянского вопроса в начале XIX в. осталось неизвестным, что проект указа 12 декабря 1801 г. дважды обсуждался в Совете и его обсуждение оказало непосредственное влияние на окончательный текст этого документа.²⁹

Но самый существенный недостаток этой публикации кроется и другом. Помещая ту или иную часть журнала в соответствующую рубрику, авторы публикации в ряде случаев руководствовались не сутью рассматривавшегося вопроса, а теми (зачастую не столь уж значительными) замечаниями, которые высказывались членами Совета при обсуждении. Это обстоятельство шло и по сей день вводит исследователей в серьезные заблуждения. Так, например, одним из самых, пожалуй, интересных эпизодов деятельности Совета явилось обсуждение проекта остропрованной конституции — «Всемилошнейшей грамоты, российской народу жалуемой».³⁰ Эта «Грамота», своеобразная «*Charta magna*» дворянского либерализма, была подготовлена членами Совета, которому было предоставлено право «привести в исполненье коренные постановления

²⁶ АГС, ч. I, столб. XIV.

²⁷ ПСЗ I, № 20075.

²⁸ Séance du 25 Novembre; Séance du 2 Décembre 1801. — Пол. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I, т. II. СПб., 1903 (далее — Граф Строганов), с. 128—135.

²⁹ Журнала 5 и 9 декабря 1801 г. — АГС, ч. I, столб. 723—725.

³⁰ Проект Всемилошнейшей грамоты, российской народу жалуемой. — В кн.: Семеновский В. П. Радичев. Очерки и исследования. М.—Пг., 1923, с. 180—184, 431—433.

известной части государственного управления». 9 сентября 1801 г. проект «Грамоты» рассматривался Советом. Члены Совета в целом одобрили «Грамоту», но предложили Александру внести в нее статью о разрешении продавать или закладывать имение последнего в роде. Благодаря этому составители публикации поместили журнал заседания, одобрившего конституционный проект, в рубрику «Наследство по закону».²¹

Вопрос о «Грамоте» имеет довольно обширную историографию. Изучением проекта занимались исследователи конституционного движения в России.²² Проявляли интерес к «Грамоте» и литературоведы: их главным образом занимал вопрос, не был ли П. А. Радищев ее автором.²³ Но ни историкам, ни тем более литературоведам не пришло в голову, и это вполне естественно, заглянуть в рубрику «Наследство по закону», и журнал обсуждения «Грамоты», сто лет как опубликованный, оставался до сих пор неизвестным. Надо ли говорить о том, какое значение для исследователей внутренней политики начала XIX в. имеет тот факт, что высшее законосовещательное учреждение России обсудило и одобрило проект конституции за шесть дней до того, как ее предполагалось внести в действие. Не вдаваясь в подробности, отметим и то, что журнал обсуждения «Грамоты» дает возможность исследователям окончательно разрешить так и не выясненный в исторической литературе вопрос о числе редакций проекта и их последовательности.

Следует упомянуть о том, что в предисловии к публикации журналов помещен краткий обзор наиболее важных вопросов, обсуждавшихся в Совете, но ни указ 12 декабря 1801 г., ни «Грамота» в этом обзоре не упомянуты. Трудно сказать, был ли у составителей определенный умысел. Скорее всего, они не всегда давали себе труд разобраться в сути публикуемых журналов. Иначе просто невозможно объяснить, каким образом такой вопрос, как разрешение татарам, живущим в селениях, права на торговлю, мог попасть в рубрику «Городское состояние», а дело о разграблении купеческих товаров киргиз-кайсаками и об убийстве киргизами татарского купца Шахмуратова оказались исключенными в раздел «Тамозженный устав и тариф».²⁴ Поэтому исследователям надо иметь в виду, что рубрики «Архива Государственного совета», как правило, не исчерпывают всех материалов по определенному вопросу. Так, например, исследователям положения крестьян в России в начале XIX в. следует обратить внимание на то, что материалы, связанные с вопросом о запрещении продажи крестьян без земли, помимо рубрики «Крепостные люди», находятся

²¹ Журнал 9 сентября 1801 г. — АГС, ч. II, столб. 315—316.

²² См.: П р е д т е ч е н с к и й А. П. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.—Л., 1957, с. 190—199.

²³ Б а б к и н Д. С. Был ли Радищев составителем «Грамоты, российскому народу являемой»? — Русская литература, 1963, № 4, с. 132—142.

²⁴ АГС, ч. I, столб. 725—726, 392—400.

и в отделах «Купля и продажа», «Ревизия губерний сенаторами» и др.²⁵

Вместе с тем изучающие крестьянский вопрос должны учесть и то, что материалы о намерении продажи крепостных крестьян без земли, опубликованные на страницах «Архива Государственного совета», таит в себе определенные «опасности» для исследователей. Надатели опубликовали журналы заседаний Совета 6 и 16 мая 1801 г., на которых обсуждался этот вопрос, и поместили в качестве приложения к ним четыре проекта указа. Три из них действительно обсуждались на этих заседаниях, четвертый же,²⁶ хотя и хранился в них в одном архивном деле,^{26а} по непосредственной связи с майским обсуждением 1801 г. не имел, так как возник лишь в 1802 г. Это обстоятельство, никем еще не распознанное, уже повлекло за собой ряд досадных недоразумений.^{26б}

Отмеченными дефектами публикаций журналов Совета, к сожалению, не исчерпываются недостатки этого издания. При сопоставлении печатного «Архива Государственного совета» с рукописными журналами бросается в глаза небрежность, с которой он подготовлен. Так, авторы публикации «потеряли» целый журнал заседания 7 ноября 1801 г.,²⁷ а при расчленении других журналов на части упустили из виду ряд вопросов, который так и не нашел отражения в «Архиве Государственного совета».

Недостаток места не позволяет привести полный перечень «потерянных» фрагментов, поэтому укажем только на некоторые из них. Так, на журналах 14, 18, 21 ноября 1801 г. «исчезли» те части, в которых речь шла о повинностях в острейских губерниях и о рекрутском наборе в Курляндии.²⁷ «Потерянными» оказались фрагменты журналов заседаний 25 июля, 12 августа 1801 г., 17 марта 1802 г., 20 января 1808 г., на которых обсуждались проекты указов о порядке производства и штатские чины, о сложении десятиконечного сбора с отъезжающих на станции и отмене публикации, о разборе и обложении московских общественных повинностей, о помещике Беме, истязавшем своих крестьян.²⁸

В «Архиве Государственного совета» не воспроизводились подписи в конце журналов; в ряде случаев у подписей имелись по-

²⁵ Там же, столб. 62—65; ч. 11, столб. 398—403.

²⁶ Там же, ч. 1, столб. 770—772.

^{26а} ЦГИА СССР, ф. 1147, оп. 1, № 216, л. 15—24.

^{26б} Семенин В. П. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1. СПб., 1888, с. 240, 240—250; Семенин В. П. Радоцев, с. 135—137, 429—431.

²⁷ В повестку дня этого заседания входило 4 вопроса: о присутствии Н. С. Мордвинова в Совете; о положении духовного и церковного правительства римско-католического закона в России; отчет Рижского об осмотро сибирских губерний; прошение рижского купца Мушкели о транзитном торге лесом из Галиции через Россию. (Журнал 7 ноября 1801 г. — ЦГИА СССР, ф. 1146, оп. 1, № 22, л. 153—154).

²⁸ Там же, л. 162—170 об.

²⁹ Там же, л. 114, 132 п об.; № 23, л. 08 об.—09; № 29, л. 1 п об.

метки, выражающие мнения членов Совета, однако не все эти пометки получили отражение в публикации.³⁹ Более того, несколько мнений, приложенных к журналам, были либо вовсе опущены,⁴⁰ либо воспроизведены неточно, без учета сделанных в них позднейших вставок.⁴¹ В ряде случаев в публикации не оказалось сообщений о представлении членами Совета своих мнений и о приложении этих мнений к журналам.⁴²

Кроме того, в «Архиве Государственного совета» были полностью опущены все сообщения о чтении донесений дипломатических представителей за границей,⁴³ а также несколько упоминаний о слушаниях бумаг.⁴⁴

Не были опубликованы и пометы начальника канцелярии на полях журналов,⁴⁵ сообщения об отъезде членов Совета в отпуск и по служебным поручениям.⁴⁶ Хотя составители публикации включили и все сообщения о чтении высочайших указов о назначении членами Совета, известие о том, что 21 сентября 1808 г. Ф. А. Голубцов прибыл в присутствие и подписал присягу, оказалось пропущенным.⁴⁷ Не нашлось места и «Архиве Государственного совета» и для ряда документов, приложенных к журналам, в том числе оказалась не напечатанной всеподданнейшая записка А. Р. Воронцова о правах Сената от 5 апреля 1802 г., «Мнение канцлера по расчетам, учиненным по случаю эмбарго, сделанного из-за английских судов», копии «Заявления английскому послу о подписании договора» и «Ответного заявления уполномоченного британского короля».⁴⁸

³⁹ Журналы 27 января, 28 июля 1802 г.; 10, 17, 24 февраля, 16, 23 марта, 13 апреля, 1 июля, 27 июля, 3, 17, 24, 31 августа, 14 декабря 1808 г. — Там же, № 23, л. 37, 346 об.; № 29, л. 389 об.

⁴⁰ Журналы 27 июля 1803 г.; 31 августа 1808 г. — Там же, № 24, л. 127—128; № 29, л. 243 об., 252 об.

⁴¹ Журналы 17 июня, 1 июля 1801 г.; 1 мая 1802 г. — Там же, № 22, л. 83 об.; № 23, л. 177.

⁴² Журналы 30 июня 1802 г.; 22 июня, 27 июля, 24 августа, 2, 9 ноября 1803 г.; 17, 24 февраля, 9, 16, 23 марта, 13 апреля, 27 июля 1808 г. — Там же, № 23, л. 305; № 24, л. 96, 122, 131, 225 об.—226; № 29, л. 214 об.

⁴³ Журналы 25, 29 апреля, 16 мая, 6, 10, 17 июня, 1, 8, 11, 15, 18, 25, 29 июля, 9, 23, 30 сентября, 7 октября, 11, 14, 18, 25, 28 ноября, 2, 5, 9, 19, 19, 23 декабря 1801 г. и др. — Там же, № 22, л. 45^а об., 48, 60, 71 об., 73 об., 81, 94 об., 102 об., 103 об., 108, 113^а об., 114 об., 116, 134, 140, 147, 152 об., 161 об., 165 об., 179 об., 182, 184, 186, 195 об., 198, 206, 203.

⁴⁴ Журналы 1 июля 1801 г.; 4 мая 1803 г.; 20 января 1808 г. — Там же, л. 92, 93 об.; № 24, л. 55 об.; № 29, л. 1 об.

⁴⁵ Журналы 4 апреля, 2, 19 декабря 1801 г.; 2, 4, 9 января, 10 февраля, 6, 24 марта 1802 г. — Там же, № 22, л. 10 об.—11, 11 об., 183 об., 199; № 23, л. 1 об., 9 об., 11, 11 об., 12, 13 об., 10, 18 об., 52, 88 об., 102.

⁴⁶ Журналы 5 августа 1801 г.; 8 сентября 1802 г.; 20 апреля, 31 августа 1803 г.; 20 января, 8, 15 июня, 6 июля, 17, 24 августа, 9 ноября 1808 г. — Там же, № 22, л. 124; № 23, л. 378; № 24, л. 48, 151 об.; № 29, л. 4 об., 157, 164 об., 182 об., 230 об., 239 об.—240, 317 об.

⁴⁷ Журнал 21 сентября 1808 г. — Там же, № 29, л. 263.

⁴⁸ Журналы 5 мая, 20 октября 1802 г. — Там же, № 23, л. 195^а—196 об., 398—407.

Не были включены в публикацию и приложения к книгам журналов. Среди них первоначальный список членов Совета, написанный рукой Александра,⁴⁰ некоторые высочайшие повеления, переданные в письмах В. П. Кочубей Д. П. Троицкому.⁴⁰ На первого официального протокола от 30 марта 1801 г. исчезла фраза о предъявлении генерал-прокурором копии указа об учреждении Совета и повелительной формы присяги,⁴¹ по именно эта фраза дает возможность датировать различные редакции «Наказа», что имеет несомненно существенное значение для восстановления предьстории этого учреждения.

Публикация «Архива Государственного совета» имела большое значение: она сделала доступными журналы заседаний широким кругам исследователей. Однако в такой форме эта доступность оказала плохую услугу ученым. На протяжении ста лет исследователи пользовались публикацией, даже не подозревая о тех ценных сведениях, которые она содержит, и не догадываясь о существовании тех материалов, которые не вошли в нее. Вот почему в представлении ученых, пользовавшихся только этой публикацией, многообразная деятельность Совета выглядела менее значительной, нежели она предстает со страниц подлинных рукописей его журналов.

Несколько же полно и верно рукописи журналов отражают все то, что происходило во время заседаний Совета? Собственно этот вопрос состоит из двух: Журналы всех ли заседаний сохранились? И насколько полно сохранившиеся журналы отражают то, что происходило на заседаниях?

«Наказ» определил для собраний Совета два дня в неделю — понедельник и четверг.⁴² Даты журналов заседаний Совета свидетельствуют о том, что в течение 1801 г. он собиравался регулярно. Если исключить период с 12 августа по 7 ноября, когда члены Совета находились в Москве на коронационных торжествах и, по видимому, собирались на заседания лишь от случая к случаю (за эти три месяца состоялось всего семь заседаний), то за 1801 г. нет журналов только за четыре дня: 9 мая (четверг) и 20 мая, 24 июня, 22 июля (понедельники), когда, согласно «Наказу», должен был заседать Совет. С 14 апреля 1802 г. Совет стал заседать по понедельникам и пятницам, а с 8 сентября того же года, после образования Комитета министров, — только по пятницам. Сопоставив даты журналов с теми днями, в которые Совет должен был иметь заседания, следует констатировать, что за период 1802—1809 гг. число этих дней несколько превосходит количество имеющихся журналов.

⁴⁰ Там же, № 22, л. 3: Государственный совет. 1801—1809. СПб., 1901, с. 38—39.

⁴⁰ В. П. Кочубей — Д. П. Троицкому, 26 мая, 9, 12 июня 1802 г. — ЦГА ССРСР, ф. 1146, оп. 1, № 23, л. 238, 252—253 об., 270 и об., 275 и об., 302 и об.

⁴¹ Журнал 30 апреля 1801 г. — Там же, № 22, л. 5 об.

⁴² АПС, ч. 1, стлб. XXII.

В нашем распоряжении нет прямых указаний на то, что в дни, предвзвещенные регламентом для заседаний, собрания Совета имели место. Но ряд косвенных свидетельств позволяет усомниться в том, что все эти дни Совет бездействовал. Как уже отмечалось, журналы обычно подписывались на следующем заседании, в ряде же случаев Н. А. Вейдемейер обозначал дату, когда члены Совета ставили свою подпись. Так, например, в 1801 г. Совет заседал 16 и 23 мая, хотя по регламенту он должен был собраться еще 20 мая. В журналы же заседания Совета 16 мая, на котором обсуждался вопрос о запрещении продажи крестьян без земли, есть пометка о том, что журнал подписан 20 мая. Но журнал за 20 мая отсутствует. Следовательно, получается, что члены Совета собрались только для того, чтобы подписать журнал предыдущего заседания. Что ж, такая ситуация вполне возможна. Мы располагаем одним изъяснением А. Р. Воронцова о том, что бывали собрания, «в кои, если б не прочесть журнал предыдущего заседания и подписать оный, и собираться бы и Совет не для чего».⁶³ Однако в нашем распоряжении есть и такие сведения, которые бесспорно свидетельствуют о том, что Совет обсуждал вопросы, не зафиксированные в его журналах.

Теперь уместно вспомнить одно очень важное положение «Наказа», которому исследователи не придавали должного значения. «Наказ», как уже отмечалось, устанавливал такой порядок делопроизводства: если дело получило в Совете большинство голосов, то тогда сочиняется протокол и с прописаньем различных мнений подносится монарху. Дела же, не получившие одобрения большинства, остаются без всякого действия.⁶⁴

Насколько же Совет руководствовался в своей деятельности этим положением?

Проекты, направляемые в Совет по высочайшему повелению, но отклоненные членами Совета, в журналах фиксировались. Так, например, было с проектами, запрещающими продажу крестьян без земли,⁶⁵ но в журналах не зафиксировано ни одного случая, когда дело, внесенное по инициативе одного из членов, было бы отклонено Советом, а такие случаи имели место, но они попросту не фиксировались в журналах.

В личном архиве Н. С. Мордвинова, члена Совета в 1801 г., сохранился проект манифеста об учреждении трудоощетительного банка и его подробного устава. Как известно из пометки на рукописи, сделанной рукой Мордвинова, эти документы были подписаны им Александру I в декабре 1801 г., но оставались без всякого действия. В сентябре 1803 г. министр финансов А. И. Васильев «по собственному своему побуждению» внес проект устава

⁶³ Записка графа А. Р. Воронцова о России в начале нынешнего века, представленная императору Александру Павловичу. — Архив князя Воронцова (далее — АКВ), т. 29, 1883, с. 462.

⁶⁴ АПС, ч. I, столб. XXI.

⁶⁵ Журналы 6 и 16 мая 1801 г. — Там же, столб. 761—764.

на рассмотрение Совета. «В Совете устав мой, — написал Мордвинов, — был читан, и члены Совета пожелали иной прочесть со вниманием по домам своим». Этим дело и кончилось.⁶⁰

Судя по журналам, в сентябре 1803 г. Совет имел три заседания — 14, 21 и 28, но ни в одном из журналов этих заседаний не упоминается об уставе банка. Между тем Совет должен был заседать и в пятницу 7 сентября, однако журнала этого заседания нет. Из пометки же Мордвинова известно, что внесенный по инициативе Васильева проект не получил одобрения членов Совета. Вот почему он не нашел отражения в журнале. Думается, что отсутствие журналов за определенные дни, предназначенные для заседаний Совета, в ряде случаев явилось следствием именно такой ситуации, какую мы наблюдали в деле с проектом государственного банка.

Таким образом, журналы не дают исчерпывающего представления даже о круге вопросов, которые рассматривались в Совете, не говоря уже о самом обсуждении этих вопросов.

Это существенное обстоятельство следует всегда иметь в виду при изучении истории Непременного совета.

Дело в том, что, обращаясь к другим материалам о деятельности Совета, исследователь сталкивается с любопытным явлением: эти документы содержат сведения, которые, на первый взгляд, никак не подтверждаются журналами Совета, казалась бы, самым достоверным источником о его деятельности.

Так, например, среди материалов Комитета 6 декабря 1826 г., поступивших на личного кабинета Александра I, хранится «Записка о том, что всего более заслуживает внимания Государственного совета».⁶¹ Записка не имеет ни даты, ни подписи, но, как мы установили, она написана генералом М. М. Философовым, членом Совета с 11 января 1808 г.,⁶² и обращена к его коллегам по этому учреждению. Смысл ее — «Наказ», автор обращает внимание членов Совета на необходимость рассмотреть «коренные государственные постановления» и предлагает своим коллегам обширную программу преобразования положения крестьянства, купечества, дворянства, а также бюджета страны, устройства военно-морских сил, организации рекрутских наборов и т. д. Автор записки призывает членов Совета «присутить к уложению неперменных правил» и «такое определение Совета поднести на высочайшее усмотрение с. и. в., дабы сделать оное незаблемым навеки». В конечном итоге эта записка попала в руки царя. Но как отнеслись к ней члены Совета, об этом журналы молчат. Эта записка, далеко не единственный документ, в котором содержатся сведения о Совете, не подтверждающиеся его журналами. В одном из важнейших документов позднего декабризма — «Разборе до-

⁶⁰ Архив графов Мордвиновых, т. III, СПб., 1902, с. 147—148.

⁶¹ ЦГИА СССР, ф. 1167, оп. XVI, № 18, л. 1—81.

⁶² АПС, ч. I, столб. 8.

песення Тайной следственной комиссии», написанном декабристами Н. С. Луниным и П. М. Муравьевым, содержится своеобразный перечень оппозиционных выступлений, предшествовавших декабристскому движению. В этом перечне есть, между прочим, и такое упоминание: «Граф Валериан Зубов говорил в Государственном совете в пользу конституционного правления, но голос его был заглушен закоснелыми приверженцами старинны». ⁵⁸ Характерная особенность «Разбора» заключается в том, что, несмотря на искажения и неточности, приводимые в нем факты, как правило, подтверждаются другими источниками. Но от того ли, что голос Зубова «был заглушен», или по какой-либо другой причине его выступление никак не отразилось в документации Совета.

Пожалуй, ни один из источников иностранного происхождения не содержит и себе столько сведений о деятельности Совета, как дипломатическая переписка представителей иностранных держав и России. Деятельность Совета с первых же дней существования привлекла к себе пристальное внимание иностранных дипломатов. В дипломатических кругах на Совет не без оснований смотрели как на орган, способный оказать существенное влияние на внешнюю политику России. Именно это обстоятельство обострило интерес иностранных представительств к деятельности Совета.

Самое образование Совета было воспринято в дворинских кругах Петербурга как создание некоего олигархического органа. В этом смысле иностранные дипломаты плаветали свои правительства об образовании Совета. «Стараются придать ему более власти, чем вытекает из указа об его образовании», — писал секретарь австрийского посольства Локателли. «Велух говорит о том, что государственное устройство изменено и это ядро настоящей олигархии. Это вполне возможно, если твердость царствующего императора не положит предел честолюбию господ советников». ⁵⁹ «Постоянный Совет в действительности изменил форму государственного устройства, как и имел честь предвещивать Вашему сиятельству в предыдущих донесениях, — констатировал Локателли месяц спустя. — Глаза империи со времени образования Совета пользуются неустойчивым влиянием на дела». ⁶⁰ Далее Локателли довольно точно охарактеризовал расстановку сил в Совете при обсуждении внешнеполитических вопросов, что свидетельствует о хорошей осведомленности австрийского дипломата. Да и его заключение о роли Совета при решении государственных дел лишь подтверждает это: из сохранившихся журналов марта—апреля

⁵⁸ Разбор донесения Тайной следственной комиссии государю императору в 1826 г. Никиты Муравьева и Лунина. — В кн.: Записки декабристов, вып. II—III, Лондон, 1863, с. 130.

⁵⁹ Локателли — Траутсманнорфу, 25 апреля/7 мая 1801 г. (копия). — ГИБ, ф. 859, к. 24, № 4, л. 70 об.—71. См. также: Массон — Талейрану, 18/30 мая 1801 г. — (Сб. РИО, т. 70, 1890), с. 167.

⁶⁰ Локателли — Траутсманнорфу, 2/24 июля 1801 г. (копия). — ГИБ, ф. 859, к. 24, № 4, л. 76—76 об.

явствует, что в таких важных вопросах, как отношения с Англией, присоединение Грузии, запрещение продажи крестьян без земли, Александр I, вопреки своей воле, следовал решениям Совета.⁶¹

На это обстоятельство обратил внимание и прусский полковник Ле Кок, адъютант короля Пруссии Фридриха Вильгельма III. Более того, в своем докладе королю Ле Кок описал, и сделал это довольно верно, как составляются журналы Совета.⁶²

Впрочем, прусская дипломатия проявила наибольший интерес к деятельности Совета. Особенно отличился посланник в Петербурге Ливзи. Его осведомленность может лишь удивить исследователей. «Проект конституции, имеющей иерархическое основание, который уже был предложен на время восшествия на престол императрицы Екатерины и в котором, как я слышал, заговорили сразу же после перемены царствования, в настоящий момент должен занимать Совет и особенно князя Зубова и графа Палена. Сведения, которые я мог получить до сих пор, недостаточно ясны, чтобы говорить о нем со знанием дела, но выше величества легко поймет, что из этого произойдет уменьшение власти монарха. Меня уверили, что в следующей понедельник монарх поедет в Сенат, чтобы объявить, что отныне он желает оставить за собой только право делать добро. Я полагаю, государь, что не должен опустить одно замечание об организации Совета: ход обсуждений зависит главным образом от союза двух лиц, которых и только что назвал и которые, будучи людьми разных взглядов, могут иметь также и противоположные мнения. Впрочем, только время покажет, обоснованно ли это замечание».⁶³

Сведения Ливзи частично подтвердились уже 2 апреля. В этот день⁶⁴ в общем собрании Сената Александр I не мог огласить пять манифестов, одобренных 26 апреля Советом.⁶⁵ Среди них манифесты о восстановлении жалованных грамот дворянству и городам, об уничтожении тайной экспедиции.⁶⁶

Что же касается конституционного проекта, то существует ряд свидетельств о том, что в момент воцарения Александра I вопрос о конституции был поставлен как раз теми самыми лицами, о которых упоминал Ливзи в своей депеше.⁶⁷ Очевидно, прусский

⁶¹ Журналы 8, 29 апреля, 2 мая 1801 г. (АГС, ч. II, СПб., 1878, столб. 1123—1127); 11, 15 апреля, 18 августа (там же, столб. 1189—1194, 1196—1199), 6, 16 мая (там же, ч. I, столб. 761—764).

⁶² Ле Кок — Фридриху Вильгельму III, 19 апреля/1 мая 1801 г. (копия). — Архив ЦОИИ СССР, к. 113, № 90, л. 3.

⁶³ Ливзи — Фридриху Вильгельму III, не ранее 26 марта/7 апреля и не позднее 1/13 апреля 1801 г. (копия). — Там же, л. 10.

⁶⁴ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь—июнь 1801 г. СПб., 1901, с. 354—355.

⁶⁵ АГС, ч. I, столб. 3—4.

⁶⁶ Ш и л о д е р Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1904, с. 18; ПСЗ I, № 19810—19811, 19813.

⁶⁷ С л а ф о в о в М. М. Самодержавие и борьба вокруг государственных реформ в первые годы XIX века. Автореф. канд. дисс., Л., 1975, с. 7—8.

дипломат располагал надежными источниками. Вероятно, из них же он почерпнул сведения и о проекте конституции. Правда, несмотря на свои старания, Люзи так и не смог узнать новых подробностей об этом проекте. 5 апреля он известил об этом короля: «Я больше не слышал, чтоб говорили о проекте новой конституции, который, возможно, был только желанием нескольких частных лиц».⁶⁸ Поэтому исследователям еще предстоит выяснить, что же на конституционный проект занимал умы членов Совета в конце марта — начале апреля 1801 г.

Известия Люзи вызвали живой интерес у Фридриха Вильгельма. «Я мог только поражаться тем сведениям, которые вы мне сообщили об истинных тенденциях только что образованвшегося Совета», — писал он. «Я Вам советую употребить все свое внимание и все Ваше умение, чтобы быть хорошо осведомленным о соображениях Совета и принимать их в соображение, насколько это возможно. Ваши первые сведения, кажется, почерпнуты из надежных источников. . . И с нетерпением жду Ваших следующих донесений, чтобы увидеть, как будет развиваться этот новый кризис».⁶⁹⁻⁷⁰ Прусскому королю не пришлось долго ждать. Следуя повелениям короля, Люзи стал известить его о деятельности Совета. Он сообщал ему об обсуждении внешнеполитических вопросов и делал это, насколько можно судить по журналам заседаний, в общем довольно верно. Что же касается внутриполитических сюжетов, то обращает на себя внимание сообщение 26 апреля о том, что Совет очень серьезно занят поисками средств предотвратить в будущем трагические сцены, так часто повторяющиеся в этой стране, которые были полезны только небольшому числу семейств, часто малозвестному, тогда как знатные семейства подвергались унижениям и оскорблениям. Мне было трудно проникнуть в их план, но отдельные сведения, которые я мог собрать, позволяют мне полагать, что самые видные семейства с помощью наиболее разумной части Совета стараются виднннуть императора один на один с нацией (*donner du relief à l'Empereur vis-à-vis de la nation*), чтобы обмануть надежды тех, которые в будущем могли бы захотеть отвлечься на подобные потрясения и злоупотреблении благосклонностью императора, показав им, что нация не потерпит их, как она это делала до настоящего времени. Для того чтобы снискать привязанность народа, императору советуют совершить поездку в Москву. С другой стороны — стараются увеличить число членов Совета. Однако все эти меры будут совершенно бесполезны, если не найдут средства помешать влиянию фаворитов, и для того не видит как будто лучшего способа, чем

⁶⁸ Люзи — Фридриху Вильгельму III, 5/17 апреля 1801 г. (копия). — Архив ЛОИИ СССР, к. 113, № 90, л. 16.

⁶⁹⁻⁷⁰ Фридрих Вильгельм III — Люзи. В/д (копия). — Архив ЛОИИ СССР, к. 113, № 90, л. 11.

увеличить власть Совета за счет власти монарха.⁷¹ Трудно сказать, что имел в виду Люзи: настроения отдельных членов Совета, разговоры в кулуарах или вполне определенное обсуждение этого вопроса на заседании. Хотя в журналах заседаний никаких сведений об этом нет, думается, не следует проходить мимо свидетельства Люзи.

Он отсталал от прусского дипломата и секретаря австрийского посольства. Он сообщил своему правительству очень интересные сведения об обсуждении в Совете сенатской реформы. Как известно, реформа Сената обсуждалась Советом в апреле—мае 1802 г., но о том, что этот вопрос рассматривался в Совете уже летом 1801 г., исследователи до сих пор не знали. «Ожесточенная борьба между генерал-прокурором Беклешовым и графом Воронцовым произошла во время последнего заседания Совета в понедельник, — писал Локателли 19 июня 1801 г. — Верх одержал Воронцов. Он отстаивал права Сената, которыми это учреждение пользовалось во времена Петра Великого и которые Беклешов, кажется, хочет отменить. Этот вопрос еще, кажется, полностью не решен, несмотря на публикацию указа.⁷² Все находится в возбуждении в Сенате и Совете.⁷³ Из журнала заседания 17 июня вытекает, что в этот день Совет обсуждал вопрос о преобразовании присутственных мест в губерниях. По этому предмету было прочитано представленное А. Р. Воронцовым мнение.⁷⁴ В своей записке Воронцов среди прочих предметов предлагал учредить в столице Высший совместный суд, который должен был «служить охранением личной безопасности и преградой злоупотребления власти». Хотя записка не упоминает о Сенате, очевидно, при обсуждении этого предложения, по существу своему связанного с вопросом об устройстве центрального управления, и произошло то столкновение Беклешова и Воронцова, о котором нет ни слова в журнале заседания Совета.

13 августа Локателли вновь коснулся этой темы: «И только что был известен, что дебаты в Совете и в Сенате между Беклешовым и Воронцовым возобновились с большей горячностью. . . Развитие событий дошло до такой степени, что монарх не может освободиться от мысли о государственном перевороте, которого ожидают с минуты на минуту».⁷⁵

За день до того, как Локателли писал свою депешу, в Совете был прочитан проект указа об устройстве губерний, т. е. заседание 12 августа было в некотором смысле итогом. Но журнал засе-

⁷¹ Люзи — Фридриху Вильгельму III, 26 апреля/8 мая 1801 г. (копия). — Там же, л. 19—20.

⁷² Известен в виду указ 5 июня 1801 г., предписывающий Сенату представить доклад о своих правах и обязанностях (ПСЗ I, № 10308).

⁷³ Локателли — Траутемандорфу, 19 июня/1 июля 1801 г. (копия). — ГИБ, ф. 859, к. 24, № 4, л. 84 об.

⁷⁴ АГС, ч. I, табл. 73—77.

⁷⁵ Локателли — Траутемандорфу, 13/25 августа 1801 г. (копия). — Архив ЛОИИ СССР, к. 113, № 90, л. 66.

дании не сообщает ни о каких дискуссиях.⁷⁶ О борьбе между Воронцовым и Беклешовым по вопросу о сенатской реформе не упоминают и журналы самого Сената.⁷⁷ Однако среди бумаг, найденных после смерти статского советника Белохлокова, сохранилась подробная записка обсуждения вопроса о сенатских правах в общем собрании Сената. Она, очевидно, вышла из сенатской среды и служит ценным комментарием к журналам Сената. В этой записке, а ее достоверность не вызывает сомнений, ярко описана борьба Беклешова и Воронцова. Из записки следует, что Воронцов выступил с предложением учредить Верховный суд, т. е. как раз с той самой идеей, которую он высказывал на заседании Совета при обсуждении вопроса об устройстве губернских мест.⁷⁸

Поскольку сообщение Локателли о прениях в Сенате подтверждается другим документом, что само по себе уже свидетельствует о том, что австрийский дипломат черпал свои сведения из весьма надежных источников, следует относиться с доверием и к той части его сообщения, где говорится об обсуждении сенатской реформы в Совете.

Таким образом, дипломатическая переписка иностранных представителей в Петербурге со своими правительствами содержит не только ценный, но и в своем роде уникальный материал о таких аспектах деятельности Совета, которые не нашли отражения в его журналах.

Наконец, следует упомянуть еще об одной важной стороне деятельности Совета, которая не получила полного освещения в его официальной документации, но в силу своей значимости оказалась зафиксированной в других источниках. Речь идет о чрезвычайных собраниях, на которых члены Совета выработывали курс внешней политики России в периоды обострения внешнеполитической ситуации в Европе.

5 апреля 1804 г. в Зимнем дворце под председательством Александра I Совет обсуждал вопрос о позиции русского правительства в связи с расстрелом герцога Энгенского.⁷⁹ Речь шла о выработке внешнеполитического курса России, поэтому на заседание был приглашен фактический глава Министерств иностранных дел А. А. Чарторижский, а также дипломаты А. И. Морков и А. И. Будберг. О подробностях этого заседания стало известно в 1887 г., когда в Париже увидели свет мемуары Чарторижского.

⁷⁶ АРС, ч. 1, табл. 83.

⁷⁷ Журналы Сената 9, 19 и 20 июля. — Сб. Архив. ин-та. Сиб., 1878, кн. 1, отд. II, с. 105—108.

⁷⁸ Бумаги, найденные по смерти статского советника Белохлокова, хранятся у него по доверенности министра внутренних дел Колодцова. — ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 2, № 4249, ч. 1, л. 47—48.

⁷⁹ И. В. Завадовский — А. Р. Воронцову, 21 апреля 1804 г. — АКВ, т. 12, 1877, с. 282; Д. П. Татищев — А. Р. Воронцову, 11 апреля 1804 г. — АКВ, т. 17, 1880, с. 372; А. И. Морков — А. Р. Воронцову, 15 апреля 1804 г. — АКВ, т. 14, 1879, с. 337; Гедувиль — Галеярашу, 9/21 апреля 1804 г. — Сб. РИО, т. 77, 1891, с. 578.

В первом томе своих воспоминаний Чарторижский обстоятельно описал все то, что произошло во время этого заседания.⁸⁰ В приложениях к мемуарам издатели опубликовали «Мнение, доложенное в Совете 5 апреля 1804 г.»⁸¹ Оно было почеркнуто из семейного архива Чарторижских. Однако, дав этому документу такое название, издатели явно не разобрались в его сути. В документе содержится не только мнение Чарторижского, но и протокольное по своему характеру изложение выступлений участников заседания, а в конце — их подписи.

В 1891 г. известный исследователь русско-французских отношений А. С. Трачевский опубликовал подлинник этого документа, совершенно верно атрибутировав его как «Протокол Совета 5/17 апреля 1804 г.»⁸² Подлинник, как выяснилось, хранился в Петербургском архиве МИДа и был написан на французском языке.

Текст этого документа воспроизведен в публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века». В примечаниях составители поместили краткое изложение мнения А. И. Моркова, подписанного на следующий день после заседания, и отметили, что к протоколу приложено также мнение министра внутренних дел В. П. Кочубея, в котором развиты мысли, высказанные им на заседании.⁸³

Этот протокол по своей форме существенно отличается от журналов Совета. Во-первых, все журналы написаны на русском языке. Во-вторых, в протокол включен полный текст записки Чарторижского, прочитанной во время заседания, тогда как в журналы передавалась только суть обсуждаемых документов. В-третьих, прения по этой записке изложены не с присущей журналу краткостью, а с полнотой, свойственной протоколу. Наконец, этот документ подписан всеми участниками заседания, а не только членами Совета, как это обычно имеет место в журналах тех заседаний, на которые приглашались посторонние лица.

Сравнение этого протокола с журналами показывает, что он явно вышел не из канцелярии Совета. Скорее всего, протокол был составлен сотрудниками МИДа и, вероятно, по без участия Чарторижского. Делопроизводство же Совета никак не отразило этого важного заседания, во многом предопределившего дальнейшие шаги русской дипломатии.

Путь, на который вступила Россия после заседания Совета 5 апреля 1804 г., привел ее к Аустерлицу. И снова перед правительством Александра встала трудная задача выработать внешне-

⁸⁰ *Mémoires du Prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre Ier*, v. I. Paris, 1887, p. 380—383.

⁸¹ Там же, т. II, с. 2—18. См. русский перевод: Мемуары князя Адама Чарторижского и его поручика с императором Александром I, т. II. М., 1913, с. 5—19.

⁸² Сб. РИО, т. 77, с. 547—563.

⁸³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия I. Т. I. М., 1960, с. 686—696, 728—729.

политический курс России в новых политических условиях. Для этого «молодые друзья» цари — А. А. Чарторижский, П. П. Новосильцев, В. П. Кочубей — попытались создать из членов Совета особый комитет, который должен был заняться «указанным способом возратить России влияние и оградить безопасность ее провинций». А. А. Чарторижский даже набросал вчерне проект обращения к членам Совета — П. В. Завадскому, В. П. Кочубею и другим: «Желаю, чтобы политические отношения его империи были рассмотрены со всех сторон с самым тщательным вниманием и комитете, членом которого вы назначаетесь, — говорилось в проекте, — е. и. и. повелел мне привезти вас сюда».⁸¹

Однако Александр I предпочел обсудить дальнейшее направление внешней политики России в Государственном совете. Этому вопросу было посвящено три заседания Совета — 28 декабря 1805 г., 5 и 7 января 1806 г. В ходе заседаний была прочитана записка А. А. Чарторижского о политическом положении Европы и ряд других внешнеполитических документов, после обсуждения которых члены Совета подали свои письменные мнения по этому предмету.

Эти собрания Совета носили экстраординарный характер, о чем свидетельствует тот факт, что журналы этих заседаний вместе с приложениями и низкими мнениями членов Совета сохранились не среди прочих журналов, а в особом деле «О чрезвычайных собраниях Совета, бывших в присутствии государя императора для обсуждения политических дел Европы».⁸² На основании журналов этих заседаний⁸³ был подготовлен общий резюмирующий журнал.⁸⁴ Однако журналы заседаний, равно как и резюмирующий журнал, остались неподписанными. Все это не имело последствий в делопроизводстве Совета.

Необычный характер заседаний Совета, посвященных исключительно делам внешней политики, дал основание некоторым современникам смотреть на эти чрезвычайные заседания как на деятельность особого внешнеполитического комитета. Так, в архиве МИДа сохранилась папка, в которой находится записка А. А. Чарторижского, прочитанная на заседании 28 декабря 1805 г., и мнения членов Совета, оглашенные в ходе собрания 7 января 1806 г. Эта папка носит название «Памятная записка А. А. Чарторижского о внешних интересах России и Европы после ноября 1805 г. и мнения членов комитета».⁸⁵

Очевидно, сотрудники МИДа под комитетом понимали чрезвычайные собрания Совета конца 1805 — начала 1806 г. Такой

⁸¹ А. А. Чарторижский — П. В. Завадскому, В. П. Кочубею и др. — Сб. РИО, т. 82, с. 214—215.

⁸² ЦГИА СССР, ф. 1147, оп. 1, № 342, л. 1—119 об.

⁸³ Журналы 28 декабря 1805 г.; 5, 7 января 1806 г. — АГС, ч. II, табл. 1143—1187. Журнал 7 января опечатан неточно.

⁸⁴ ЦГИА СССР, ф. 1147, оп. 1, № 342, л. 1—5.

⁸⁵ Внешняя политика России. . . , т. III. М., 1963, с. 651.

точка зрения, как мы увидим далее, имела некоторое распространение. Но сам А. А. Чарторижский, фактический глава Министерства иностранных дел, не разделял ее. В конфиденциальном письме П. А. Строганову о внешнеполитических делах России А. А. Чарторижский рассказал о чрезвычайных собраниях 28 декабря, 5 и 7 января, назвал их экстраординарными заседаниями Совета. При этом Чарторижский настаивал на том, что идея создания внешнеполитического комитета пришла не по вкусу Александру I. Царь по-прежнему предпочитал обсуждать наиболее важные дипломатические дела в Совете.⁸⁹

После чрезвычайных собраний конца 1805—начала 1806 г. во Францию со специальной дипломатической миссией был отправлен П. Я. Убри, бывший русский поверенный в делах в Париже. В конце июля 1806 г. он принес в Петербург мирный договор с Францией, подписанный им на свой страх и риск.⁹⁰ Вопрос о ратификации этого договора, и следовательно, и о дальнейшем внешнеполитическом курсе России был вновь предложен на рассмотрение Совета. Однако среди журналов Совета нет никаких следов обсуждения этого мирного договора. Не обнаружено таких материалов и в архиве Министерства иностранных дел. О ходе этого заседания мы узнаем из других источников. Так, русский поверенный в делах в Лондоне П. А. Николай сообщил в сентябре 1806 г. С. Р. Воронцову о том, что «когда договор обсуждался в Совете, нашлось два голоса в пользу ратификации». Их подали П. В. Чичагов и М. И. Кутузов.⁹¹ Сохранились воспоминания Чичагова, где он рассказывал о том, что для обсуждения вопроса о ратификации «под председательством императора был создан комитет, в котором приняли участие все министры, их товарищи, фельдмаршалы Каменский и Кутузов. Большинство собравшихся отвергло договор, только П. В. Чичагов и М. И. Кутузов высказались за ратификацию».⁹²

Наконец, существует депеша французского поверенного в делах в Петербурге Лессепа Талейрану. «Состоялось несколько заседаний Совета и комитета, — говорится в депеше, — на которых Александр несколько раз высказывался последним, закрывая заседания, но не утверждая своим согласием мнение большинства против ратификации, и только 1/3 августа он, наконец, согласился на это».⁹³ Хотя современники называли это чрезвычайное собрание

⁸⁹ А. А. Чарторижский — П. А. Строганову, 6 февраля 1806 г. — Граф Строганов, с. 352—353.

⁹⁰ См. подробнее: Сироткин и В. Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1966, с. 38—39.

⁹¹ П. А. Николай — С. Р. Воронцову, 19 сентября 1806 г. — АИВ, т. 22, 1884, с. 336.

⁹² Mémoires de l'amiral P. Tchitchagoff. Paris—Bucaresti, 1909, p. 330—332.

⁹³ Лессепс — Талейрану 3/15 августа 1806 г. — В кн.: Jean de la Tour. Les prémices de l'alliance franco-russe (1800—1807). Deux missions de Barthélemy de Lesseps à Saint-Petersbourg (1806—1807). Paris, 1914, p. 121—122.

по-разному — и Советом, и комитетом, и действительности речи шла об экстраординарном заседании Государственного совета. Об этом неоспоримо свидетельствует первоначальный вариант декларации, официального документа, в котором были изложены результаты обсуждения русско-французского договора. Александр I, говорилось в декларации, сообщил договор «Государственному совету и чрезвычайном заседании» и заявил при этом, что он рад был бы утвердить мир, но не нашел возможным ратифицировать «факт сего мнимого умиротворения». «Государственный совет, рукоподнимый единодушным чувством народной славы и известной чести императора, пришел в восторг от этого неизбежного отказа по всякой ратификации».⁹¹

Сведения об этом заседании, а возможно и нескольких заседаниях, не вполне согласуются и даже в некоторых моментах противоречат друг другу. Поэтому исследователи внешней политики могут лишь сожалеть о том, что журнал такого важного заседания отсутствует.

Итак, в журналах Совета не получила достаточно полного отражения такая важная сторона его деятельности, как выработка внешнеполитических планов царя. Это обстоятельство, еще никак не отмеченное, не могло не сказаться на оценке роли Совета во внешней политике России. Роль эта представлялась значительно менее существенной, нежели это было на самом деле.

Таковы специфические особенности журналов Совета как исторического источника. До настоящего времени эти особенности не были учтены исследователями, да и особенности публикации журналов не привлекли их внимания. Пожалуй, во многом это обстоятельство объясняет тот факт, что деятельность Совета не получила в научной литературе должного освещения, а сам Совет не занял в историографии того места, которое соответствовало бы его роли в политической жизни России начала XIX в.

С. И. ПОСОВ

ВАЖНЫЙ ДОКУМЕНТ ОБ ОТНОШЕНИИ СЛАВЯНОФИЛОВ К РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

В новейшей советской историографии справедливо отмечается, что славянофильство является одним из наиболее «сложных, многосоставных и противоречивых явлений» общественной и литературной жизни России XIX в.¹ До сих пор времени в истории славяно-

⁹¹ Заявления, сделанные неутвержденным договором, подписанного 8/20 июля 1806 г. — (Сб. РИО, т. 82, с. 457).

¹ Литературные взгляды и творчество славянофилов. М., 1978, с. 8.